РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

07 2012

КОГДА ПЕТЕРБУРГ СТАЛ СТОЛИЦЕЙ?

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ГОД ГЕРМАНИИ В РОССИИ

ПЯТЬ ПОРТРЕТОВ РЫКОВА

ПРОВАЛ ЭСЕРОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

ВОСТОРЖЕННИЦЫ И ЭНТУЗИАСТКИ

ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЁН...

РОДИНА
№ 7, июль 2012

На обложке:
Александр Бенуа. В Летнем саду при Петре Великом. Фрагмент.

СОДЕРЖАНИЕ

Подписаться на журнал «Родина» можно по каталогам: «Роспечати» (индекс 73325), «Почта России» (индекс 63436), Объединённому (индексы 40687, 16398)

**ЭКСКЛЮЗИВНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ООО «Компания «Родина-Пресс»
Т./ф. 8 (499) 242 89 04**
E-mail:
inbox@rodinapress.ru,
mvl@rodinapress.ru

Внимание! Информация для подписчиков (стр. 43)

**Адрес редакции: 127025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
тел. (495) 697 73 98,
факс (495) 697 75 98.**
E-mail: istrodina@mail.ru
**Отдел подписки:
(495) 697 45 36
*(С. М. Бусуёк).***

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Индекс издания 73325

Отпечатано ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
Заказ № 0612
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (495) 745 84 28, (49638) 20 685
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф

**Наш сайт в Интернете:
www.istrodina.com;
ИСТРОДИНА.РФ**

Елена ***БОРИСЁНОК,***
кандидат исторических наук

ПЯТЬ ПОРТРЕТОВ ТОВАРИЩА РЫКОВА

Споры вокруг украинизации

Украинизация общественной жизни в Украинской ССР, проводившаяся в рамках провозглашённой XII съездом РКП(б) в 1923 году политики коренизации, приобрела широкий размах. Правовая основа украинизации была обозначена в постановлении ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 года «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка». Языки всех национальностей признавались равноправными, украинский и русский язык считались наиболее распространёнными, но украинский выбирался в качестве преобладающего для «официальных сношений».

На службу в государственные учреждения не должны были принимать тех, кто не владел обоими наиболее распространёнными языками. Те, кто уже состоял на госслужбе к моменту принятия декрета, должны были выучить язык в течение года, причём предусматривалось наказание за неисполнение этого срока — увольнение с государственной службы. Партийные и советские чиновники, приступив к осуществлению непривычного для себя дела, зачастую не имели ни опыта, ни необходимой квалификации и использовали для «улучшения отчётности» жёсткий административный нажим, нередко форсируя события. Противники таких методов даже именовали политику большевиков не «украинизацией», а «украинификацией», критикуя формы, методы и темпы внедрения украинского языка в повседневную жизнь советских граждан.

Спустя два года после официального начала коренизационного курса он стал предметом горячей дискуссии на III съезде Советов СССР в мае 1925 года. 16 мая доклад по вопросам советского строительства делал председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. После его доклада в прениях слово взял Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Михаила Залмановича Лурье, 1882–1932), член Президиума ВСНХ и Госплана. Он подчеркнул необходимость «введения во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств». По его мнению, «каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своём родном языке»[1]. Признав, что «образование национальных советов уже начато на Украине и в Белоруссии», он заявил также, что «пока это — первые и очень слабые ласточки», что «целые города с десятками тысяч населения другой национальности, чем данная республика, не имеют в местном совете делопроизводства на их языке», что приводит «к отрыву избранных органов от трудящегося населения этих пунктов» и «извращению практической деятельности административных органов»[2].

Особое негодование Ларина вызвала языковая политика некоторых местных властей. В этом отношении, заявил он, «у нас далеко не всё благополучно», «у нас, как массовое явление, в целом ряде национальных республик, в том числе и очень крупных, имеют место до сих пор принудительные, стеснительные меры постыднейшего характера»[3]. Конечно, совершенно правильно, «когда в наших национальных республиках требуют, чтобы советские органы умели объясняться на языке данной республики», однако «совершенно неправильно... когда мерами административного преследования этот язык вбивают в рот тем гражданам, которые на нём говорить не умеют, не могут, и которые привыкли говорить на своём родном языке»[4]. В украинском городе Проскурове 3 января 1925 года было издано объявление, которое и зачитал Ларин на заседании съезда: «Во исполнение обязательного постановления проскуровского окружного исполкома предлагается», — а надо сказать, что в Проскурове население состоит только из евреев и поляков, — и в таком городе Проскурове «предлагается продлить подписку на «Вісти» ВУЦИК, сроком на 4 месяца, то есть с 1 января по 1 мая 1925 года, не позже 13 января 1925 года в следующем алфавитном порядке: подписчики, фамилии коих начинаются на А, Б, В — 5 января (*смех*); подписчики, фамилии коих начинаются от Г до Ж — 7 января; подписчики от З до Л — 8 января; подписчики от М до Р — 9 января и т. д. до буквы Я, которая кончается 13 января»[5]. При этом далее в этом объявлении следовало: «Лица, несвоевременно продлившие подписку после 13 января сего года»... (что кто-нибудь совсем не подпишется, этого даже в мыслях не допускается) «несвоевременно продлившие подписку после 13 января сего года, будут оштрафованы (*смех, аплодисменты*) в административном порядке до 300 рублей золотом или подвергнуты аресту до 3 месяцев» (*смех, аплодисменты*)»[6].

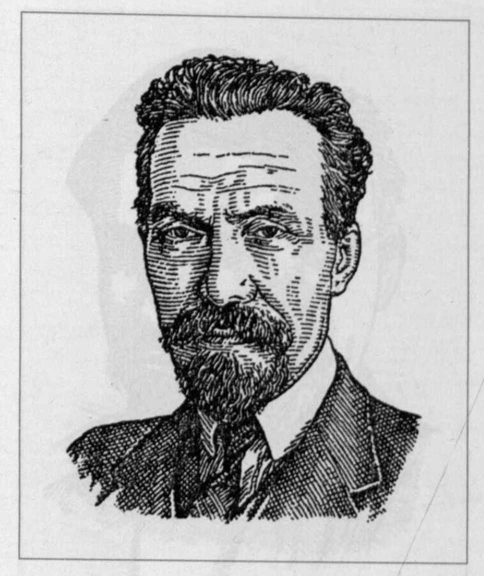
Ларин заявил, что подобные объявления типичны «для десятков округов на Украине», причём у него имеются списки этих округов. Например, русские рабочие Донбасса жаловались: «Мы выписываем «Правду», мы выписываем «Рабочую газету», а у нас ходят поголовно все дворы с милицией и требуют, чтобы мы выписывали украинские газеты, на украинском языке, которого мы не знаем, на котором дома не говорим и для выписывания которых не имеем средств»[7].

Далее оратор привёл ещё один впечатляющий факт. Один из коллег спросил его: «Как это портреты можно выписывать?» Ларин рассказал, что в Херсонском округе есть город Новогеоргиевск, где было издано следующее постановление: «Все граждане, занимающиеся кустарными промыслами (а мы, как известно, кустарям оказываем покровительство), а также занимающиеся розничной торговлей (мы и розничной торговле тоже оказываем покровительство), — все они обязаны ежемесячно (сверх всех налогов, которые они платят) покупать, — граждане, которые выбирают патент 1-го разряда (это также относится к личным промысловым занятиям), должны ежемесячно покупать один портрет Калинина и один портрет Рыкова (*смех, голоса: «Чубаря!»*). Граждане, выбирающие патент 2-го разряда, должны покупать два портрета Калинина и два портрета Рыкова (*смех*), и так норма поднимается с каждым разрядом, доходя до высших разрядов до 5 портретов т. Калинина и 5 портретов т. Рыкова в месяц, причём исполком там хитрый, — он установил,

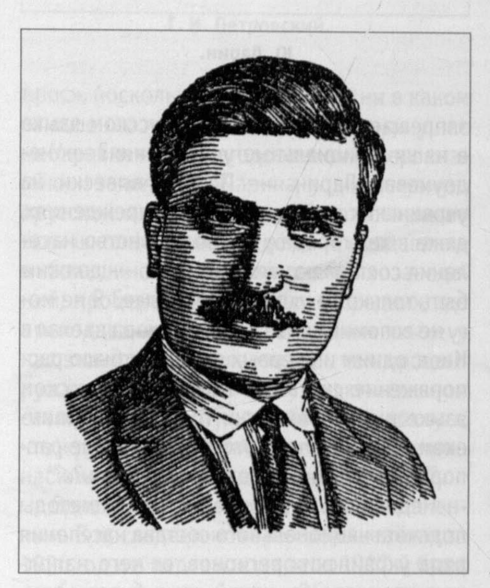
чтобы ежемесячно финагенты обходили все кустарные мастерские и торговые лавки и смотрели, имеются ли в наличности все портреты, накупленные с 1 октября, чтобы не было обхода этого постановления, чтобы одни и те же портреты не висели всё время. Вот мой ответ товарищу, который интересовался насчёт портретов»[8].

Ларин затронул также весьма острый вопрос выбора языка обучения детей. «В одном большом и очень важном губернском городе, который недавно претендовал на то, чтобы быть столицей оной республики, при определении количества школ, которые нужно было открыть в данном городе на языке данной республики, с одной стороны, и на русском и еврейском — с другой, сделана была такая штука, — возмущался Ларин. — Взяли не соотношение национальностей данного громадного губернского города, имеющего сотни тысяч жителей, преимущественно евреев и русских, а население всей губернии, имеющей 4.000.000 жителей, и сосчитали, сколько %% составляет коренное население в данной республике и сколько прочее. И открыли школы в губернском городе для русских, евреев и др. не по тому %, который это население составляет в данном городе, а по тому, который они составляют относительно всей губернии. Маленький статистический фокус»[9]. Выступающему с места сразу же задали вопрос: «Это Киев?» Ларин уклонился от ответа: «Я не хочу сказать, что это — Киев. Потому что не хочу обидеть другие города, которые прибегают к такому же способу»[10].

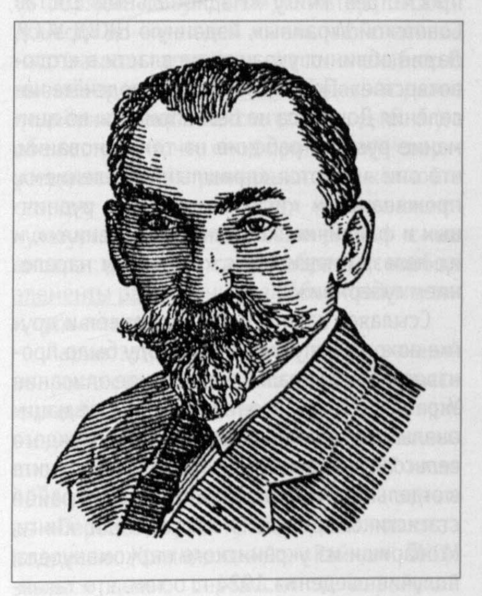
Такую практику Ларин счёл совершенно недопустимой и предлагал устанавливать язык обучения детей в школах «безотносительно к их исповеданию и происхождению, на основе того, каким языком дети пользуются в семье»[11]. Кроме того, «по заявлению родителей должны быть организуемы (или преобразуемы в отношении языка) отдельные школы или отдельные классы национальных меньшинств во всех случаях, когда количество детей для обучения на данном языке составляет не менее одного школьного комплекта». Наконец, «должны быть совершенно уравнены материальное снабжение, бюджетные ассигновки, обеспечение помещением и должным количеством преподавателей и организационное обслуживание (например, созданием пионерских отрядов) всех школ с разными языками преподавания, находящихся в оном городе или в одном местечке, или в оном селении»[12]. Таким образом, по мнению Ларина, можно положить конец «самодурству местных советских деятелей, насильственной евреизации и всем прочим насильственным акциям», поскольку основная задача советской национальной политики — братство и полное равенство.

А. И. Рыков.

В. Я. Чубарь.

Н. А. Скрыпник.

Эмоциональное выступление Ларина не смогло оставить равнодушным украинскую делегацию на съезде. Первым не выдержал член Президиума и секретарь Всеукраинского ЦИК Афанасий Иванович Буценко (1889–1965). Он подчеркнул, что на Украине уже организовано около 200 сельсоветов и 6 районов «из национальных меньшинств», причём, если для организации района на Украине существует норма в 25–40 тысяч человек, то для национального района «допускается количество жителей в 10 тысяч», а «для организации национальных сельсоветов… в 500 жителей»[13]. В то же время Буценко пришлось признать, что проскуровские факты подтвердились, но «по распоряжению правительства это постановление… было отменено, и виновные были подвергнуты наказанию»[14]. Головотяпство имеется (по выражению Буценко, «в отдельных случаях»), не только на Украине, но и на Кубани, и в Воронежской и в Курской областях (с места раздались шум и возгласы: «Неправда»)[15].

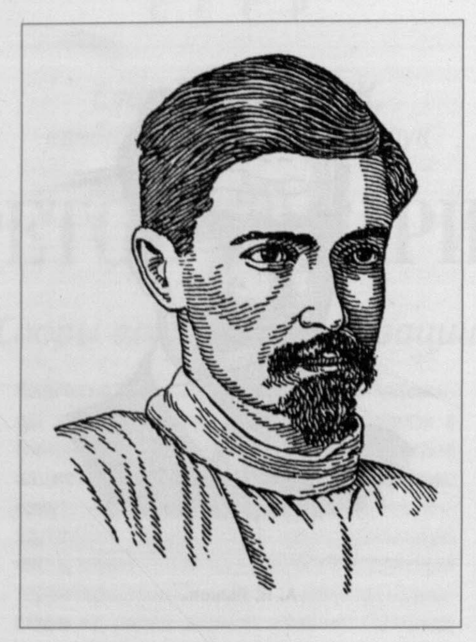
Ещё более резкую отповедь Ларину попытался дать другой украинский деятель, будущий нарком финансов СССР Григорий Фёдорович Гринько (1890–1938): «Но когда т. Ларин ставит вопрос относительно того, что на Украине угнетается русское меньшинство, когда т. Ларин ставит вопрос относительно насильственного впихивания в рот украинского языка тем, кто не желает, то здесь нужно дать т. Ларину отпор»[16]. Горячность Гринько была не случайна: в 1920–1922 годах он был наркомом просвещения УССР, затем занял пост председателя Киевского губисполкома, а вскоре, в июне 1925-го, стал председателем Госплана УССР и заместителем председателя СНК УССР. Он заявил, что в Москве «нас иногда справедливо упрекают в медленности темпа проведения украинизации». В то же время слышатся «и другие голоса»: «Вы спешите, вы торопитесь, вы угнетаете. Вы подавляете». По мнению Гринько, первые указания идут «от тех политических верхов Советского Союза, которые видят перспективы», вторые — это голоса «русских, великодержавно настроенных интеллигентов, не желающих решать национальный вопрос на Украине»[17].

Обсуждение получилось бурным, и в заключительном слове «всесоюзный староста» пытался примирить стороны. «Тов. Ларин, — подчеркнул Калинин, — огласил факты только по двум республикам — самым большим: по РСФСР и Украине. Но когда он говорил о РСФСР, он говорил о губерниях, поэтому получилось такое впечатление, как будто все прегрешения происходят только на Украине. Но, мне кажется, когда выступали тт. Буценко и Гринько, они перегнули палку в другую сторону: они считали,

что большой опасности с этой стороны нет, и считали себя правыми»[18].

Дискуссия имела продолжение. В апреле 1926 года состоялась вторая сессия 3-го созыва ЦИК СССР, на которой был заслушан доклад правительства УССР, был затронут и вопрос о проведении национальной политики на Украине. Председатель Совнаркома УССР Влас Яковлевич Чубарь (1891–1939) вспомнил, что «на одном из Всесоюзных съездов советов товарищи бросали украинскому правительству и украинским органам упрёк в том, что они не ведут работы по удовлетворению запросов национальных меньшинств» и привёл ряд цифр: «На 1 января 1926 года у нас было организовано национальных районов: немецких — 7; еврейских — 2; польских — 1; болгарских — 2; греческих — 2. Национальных сельсоветов, по данным на 1 июля 1925 г., организовано: русских — 89; еврейских — 20; польских — 63; белорусских — 1; немецких — 117; греческих — 27; болгарских — 28; чешских — 13 и молдаванских, вне пределов Молдавской автономной республики, — 9. Эта работа не считается законченной»[19]. При этом Чубарь вынужден был признать, что украинские власти вынуждены были «устранять от работы в государственных учреждениях» тех, кто не желал изучать украинский язык: «На этой почве говорят, что раз изгоняют чиновников, значит, начнут изгонять из Украины всех русских, что им житья не будет. Здесь, с трибуны Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, я категорически опровергаю эту клевету... Принудительную украинизацию трудящихся масс мы не предполагали и не будем проводить, но украинские рабочие, украинские крестьяне имеют право... удовлетворять свои запросы на родном языке»[20].

Ларин в прениях заявил о существовании «русского вопроса на Украине»[21]. «Жалобы с Украины от поляков, евреев, немцев сократились по крайней мере на 80%. Я имею в виду те жалобы, поток которых направлялся в редакцию «Правды» и оттуда передавался мне. Целый ряд жалоб, которые туда направлялись, теперь отпал», — признал Ларин[22]. Однако, по его мнению, «практика относительно русских пока порой хромает». В газете «Харьковский Пролетарий» от 14 марта 1926 года было опубликовано постановление окрисполкома, в котором последний «предложил всем своим отделам и инспектурам вести в дальнейшем всю служебную переписку исключительно на украинском языке. Все бумаги, присылаемые в окрисполком на русском языке, будут возвращаться обратно нерассмотренными»[23]. «На каком основании крестьянам, населяющим этот район, и рабочим, населяющим этот город, великороссам,

Ю. Ларин.

запрещается обращаться на русском языке в наши официальные учреждения? — недоумевал Ларин. — Почему вывески на украинских государственных учреждениях, даже в тех городах, где большинство населения составляют великороссы, — должны быть только на украинском языке? Я не могу не вспомнить, что когда Петлюра въехал в Киев, одним из первых его актов было распоряжение снять все вывески на русском языке и иметь вывески только на украинском языке. Почему это петлюровское распоряжение... возобновляется теперь?»[24]

Недовольство Ларина вызвали и методы подсчёта национального состава населения ряда украинских регионов, от чего напрямую зависело то, какой язык будет «применяться в местных советах». Внимательно просмотрев книгу «Национальный состав Советской Украины», изданную НКВД УССР, Ларин обвинил украинские власти в «головотяпстве». По его словам, при подсчёте населения Донбасса не были приняты во внимание русские рабочие на том основании, что они являются «пришлым населением», проживающим «исключительно в рудничных и фабрично-заводских поселениях», и их нельзя смешивать с «коренным населением губернии»[25].

Ссылаясь на книгу, Ларин привёл и другие похожие случаи. В 1924 году было произведено «специальное районное описание Украины с точки зрения изучения её национального состава» «путём опроса каждого сельсовета и о каждом населённом пункте в отдельности хорошо знающим свой район статистиком». Однако составители книги, «товарищи из украинского наркомвнудела, получив сведения 1924 г. о том, что такая-то деревня, по заявлению её жителей, — русская, в ряде случаев... поправили, что эта деревня не русская, а украинская, ссылаясь на то, что... царское правительство в 1859 г. ... и затем в 1864 г. ... считало, что эти деревни украинские»[26].

Подводя итоги, Ларин заявил, что «русские на Украине — нацменьшинство и что к ним нужно подходить как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам — немцам, полякам, евреям и т. д. ... Когда мы на другой сессии будем слушать доклад не правительства Украины, а правительства РСФСР, тогда я с такой же энергией буду требовать, чтобы у нас в РСФСР также были устранены те следы великорусского шовинизма, какие есть у нас. Я буду требовать, чтобы были созданы украинские национальные округа на Кубани, на Амуре, за Волгой, чтобы были присоединены к Белоруссии входящие теперь в Гомельскую губернию белорусские округа. Но я буду требовать, чтобы т. Чубарь не говорил, будто только русские чиновники у них на Украине недовольны некоторыми проявлениями указанной мною практики»[27].

Ответ украинских большевиков последовал незамедлительно. Гринько заявил, что не оспаривает наличие ошибок, поскольку «в практике наших государственных аппаратов, при искусстве и желании (т. Ларин, кажется, сам оговорился, что он — не последний по части втирания очков) можно найти не только десятки, а сотни примеров самого бесшабашного головотяпства... Но нужно заниматься не нанизыванием формально подобранных, удачных или неудачных документов, а нужно проанализировать реальное положение вещей в республике»[28]. «Надо понять это сложное положение, надо понять, что русская культура на Украине, опирающаяся на вековые традиции угнетения, а сейчас — на огромный престиж РСФСР в строительстве Советского Союза, мощно противостоит едва поднимающемуся национальному возрождению Украины, — продолжал Гринько. — Кто хочет честно ответить на политический вопрос, кто не хочет заниматься очковтирательством, тот должен понять своеобразие этого положения, понять трудности, какие в лице русской культуры и русской исторической традиции встречает рост украинского национального строительства... На Украине, несомненно, не такое положение, когда утвердившаяся украинская нация угнетает нацию русскую, русское национальное меньшинство. Это — вредная сказка. Украинская национальность делает только первые шаги к тому, чтобы занять надлежащее место в государственном строительстве, в культурном советском процессе на Украине. Сопротивление русской, исторически сложившейся традиции огромно.

Эта реакционная с точки зрения советской национальной политики традиция в нацреспубликах находит своих глашатаев, политиков и прокуроров, в частности в лице т. Ларина, которые мешают отсталым и ранее угнетённым народам двинуться по великому пути действительного национального возрождения»[29].

Председатель ВУЦИК Григорий Иванович Петровский (1878–1958) заявил о необходимости придерживаться твёрдой линии при проведении украинизации. «Вчера т. Смирнов говорил мне, что несколько крупных учёных заявили ему о желании переехать из Украины в Москву, потому что на старости лет они не могут сейчас изучать украинский язык. При проведении национальной политики мы будем нести большую убыль в этом отношении, пока не созреют новые советские культурные украинские силы. Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождёшься своих учёных или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры, но этого пугаться нельзя»[30].

Секретарь ЦК КП(б)У Владимир Петрович Затонский (1888–1938) особое внимание обратил на вопрос о том, «чтобы русскую национальность на Украине приравнять к национальным меньшинствам»: «Я утверждаю, что это принципиально неверно... русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча, — культура, которая создавалась веками до революции, но главным образом вся революционная культура. Для нас русский язык это — язык Ленина... Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине»[31].

В то же время нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Николай Алексеевич Скрыпник (1872–1933), в отличие от большинства украинской делегации, согласился, что к русским на Украине следует относиться как к нацменьшинству. «Я констатирую, что благодаря принятым украинским правительством мероприятиям мы идём к надлежащему и полному обслуживанию этого национального меньшинства в той же мере, в какой мы идём в отношении остальных национальных меньшинств, — утверждал Скрыпник. — У нас имеются районные и сельские советы с русским большинством населения, где делопроизводство и вся работа, и школы, и суд происходят на русском языке». При этом он был отнюдь не согласен с Лариным в том, что на Украине существует «русский вопрос», поскольку «русский язык ни в каком отношении не является подавленным у нас на Украине». Он с негодованием отверг «намёки и заявления» Ларина, подчеркнув, что «русский язык является обязательным во всех школах, на нём ведётся преподавание в большинстве высших учебных заведений, процент школ низших и средних, где преподавание ведётся на русском языке, у нас значительно более высок, чем процент русского населения»[32]. В заключительном слове Чубарь вынужден был подчеркнуть, что «русский рабочий, русский крестьянин насильно украинизироваться не будут»[33].

Г. И. Петровский.

Однако Ларин не счёл разговор оконченным. В последнем номере «Большевика» за 1926 год и в первом номере за 1927-й была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Автор пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс «неизбежно вызывает рост шовинизма (здесь и далее подчёркивания в тексте статьи. — *Е. Б.*) с обеих сторон», что «под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искажённой в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные»[34].

Ларин затронул в статье очень важный вопрос о соотношении понятий этничности и родного языка. Воспользовавшись привычным для себя методом, он привёл выписку из одесских «Известий» за 27 июля 1926 года. В газете была помещена заметка «Перевести работу на родной язык» за подписью Хотимлянский: «Райком ЛКСМ задался целью перевести на еврейский язык работу комсомольской ячейки 1-й госконсервной фабрики... В ячейке огромное большинство членов — евреи, но они совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо. Актив ячейки не владеет своим родным языком. Вся работа ведётся на русском языке. Райкому ЛКСМ необходимо учесть национальный состав ячейки и принять меры к переводу её работы на еврейский язык»[35]. Негодуя против подобной «принудительной евреизации», Ларин подчёркивал, что в данном случае речь шла о людях «русской культуры, хотя еврейской национальности... Еврейский торговец, еврейский ремесленник, еврейский служащий, поскольку он говорит по-русски — понятен всему городскому и большинству сельского населения Украины. Если же еврейских детей с детства принудительно учить в школах на еврейском языке... то будущий еврейский ремесленник, торговец (кооперативный) и чиновник не сможет объясняться с подавляющим большинством населения Украины». Причины, считал Ларин, следует искать в «зоологическом русофобстве» в сочетании с антисемитизмом, что и приводит, по мнению Ларина, к «принудительной евреизации не владеющих своим родным языком евреев»[36].

Ларин вновь обратился и к вопросу о русских рабочих. Критикуя «принудительную украинизацию профсоюзами», Ларин подчёркивал, что «вообще в профсоюзах Украины... только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински», а в городах Украины (Донбасс) «обычно говорят по-украински ещё меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом»[37], и недопустимо навязывать всем в качестве «языка обслуживания» украинский. Подобная практика может иметь негативные последствия в виде снижения общего культурного уровня рабочих, предупреждал Ларин и привёл в пример письмо в «Правду» рабочего-металлиста из Украины. «Из грамотного меня сделали неграмотным... Пятнадцать лет своей сознательной жизни, — пишет этот пролетарий, — я участвовал в партийных организациях на территории Украины, слушал доклады и выступал на собраниях, читал газету, живу среди русских же рабочих, и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д...»[38] В результате возникает «раздражение против украинизации». Более того, «расходящиеся с Украины вести... и разъезжающиеся с Украины люди... разносят затем зародыши таких настроений и по РСФСР», а у московских рабочих появляются вопросы: «Правда ли, что на Украине хотят на заводах рассчитать всех русских и заменить украинцами» и т. п. «Обязательность ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине

несомненна, — признаёт Ларин. — …Но из обязательности ознакомления на Украине с украинским языком никоим образом не вытекает перевод на украинский язык всей работы профсоюзов… ибо для подавляющей части их членов… украинский язык не является разговорным»[39].

По мнению Ларина, введение украинского языка в городскую жизнь имеет «единственный смысл — создать внешнюю видимость, что Киев, Одесса, Харьков и т. п. центры — сплошь украинские по языку города. Но какая цена такой «потёмкинской деревни»..?[40] «Почему в Одессе, где подавляющее большинство жителей говорит по-русски, а не по-украински — на почте вывеска «до востребования» — должна быть только по-украински и по-французски? — задаётся вопросом Ларин. — Это установлено на Одесской почте в ноябре 1926 года членом ЦКК нашей партии. Есть нечто кривое в такой манере украинизации»[41].

По мнению Ларина, «принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими соответствующих публично-правовых органов государства (судов, железных дорог и проч.) — не только не вредна, но необходима». Однако «принудительность недопустима и вредна там и тогда, где она стесняет население в употреблении неукраинского языка или навязывает ему обязательно украинский (да ещё под страхом уголовной кары)»[42]. Почему столько жалоб «на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения»?[43] Чтобы устранить подобные явления, Ларин предлагал поставить язык обучения в зависимость от языка, используемого в семье, а в качестве языка делопроизводства советов употреблять «язык большинства населения данного города, местечка или иного поселения». При этом он предлагал предоставить национальным меньшинствам «селений, местечек и городов фактическую возможность выделиться в самостоятельные, территориально обособленные советы», а «в местах с разноязычным населением» обеспечить «разноязычный состав местных советов с употреблением соответственных языков в их делопроизводстве и учреждениях»[44].

Статья доставила много неприятных минут украинскому руководству. В декабре 1927 года, на XV съезде ВКП(б), Скрыпник, вновь помянув Ларина (хотя, казалось бы, в это время его должны были занимать исключительно вопросы «неповиновения» КПЗУ), сетовал на то, что «вся политика Коммунистической партии большевиков Украины в национальном вопросе была поставлена под знак сомнения и подозрения статьями, помещёнными в руководящем теоретическом органе ВКП(б) — «Большевике», а именно в двух статьях т. Ларина…»[45]. «Я не знаю, почему редакция руководящего теоретического партийного органа ВКП «Большевик», редактируемого т. Бухариным, сочла необходимым поместить эту статью в порядке обсуждения и открыть дискуссию по вопросу о том, правильна ли политика, проводимая Центральным Комитетом Коммунистической партии большевиков Украины в национальном вопросе»[46], — негодовал Скрыпник, возглавлявший с 1927-го Наркомпрос Украины.

Выступления Ларина не прошли впустую, привлекая внимание к проблеме статуса русских на Украине. На решение вопроса влияло не только то, что русские, как считали в то время, в качестве бывшей господствовавшей национальности занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству[47]. Признание за русскими статуса национального меньшинства неизбежно поднимало вопрос об образовании русских городских советов, а в таком случае к числу последних могли попасть самые крупные города УССР.

8–11 января 1927 года при ВУЦИК прошло совещание представителей национальных меньшинств. Заместитель секретаря ЦИК СССР Н. И. Пахомов, докладывая в Президиум ЦИК СССР о результатах этого совещания, сделал вывод, что «национальное строительство идёт, безусловно, очень быстро и в этой области, объективно надо признать, имеются большие достижения»[48]. В то же время «очень большое значение приобретает на Украине русский вопрос», не получивший «конкретного разрешения со стороны высших руководящих органов». Из 80 делегатов совещания русских было только восемь, «и это несмотря на то, что русские в УССР представляют весьма большую группу национального меньшинства»[49].

В дополнение к докладной записке Пахомова Калинину были направлены предложения комиссии по русскому вопросу. В них подчёркивалось, что «при осуществлении украинизации в местностях с русским населением имели место отдельные случаи искажения нашей национальной политики и недоучёта интересов русского меньшинства: советский аппарат переходил полностью на украинский язык в сношениях со всем населением, окладные листы по сельхозналогу, страховые листы и документы Госстраха, справки и удостоверения выдавались на украинском языке, печатание всех официальных материалов в центральных и местных учреждениях на двух языках также соблюдалось не всюду, отмечен ряд случаев печатания приказов и распоряжений на одном украинском языке и т. д.»[50].

По подсчётам комиссии, «процент охвата русской национальности административно-территориальными единицами ис числяется в 30,3 процента всего русског населения УССР и 90 процентов по сель ской части», т. е. «до сего времени ещё н везде выделены русские национальны районы в тех местностях, где эта нацио нальность проживает компактно». Комис сия предлагала «более интенсивно» выде лять русские поселковые советы в Донбас се, Криворожье и на Днепропетровщине выявлять «поселения городского типа преобладающим русским населением» объединять «русские сельсоветы в само стоятельные районы с русскими райиспол комами», одновременно усилив обслужи вание русского меньшинства «в городах с смешанным населением»[51].

Действительно, русские сельсоветы н Украине уже существовали. В материала подготовленных организационно-инфор мационным отделом Управления делам СНК УССР ко второй сессии ЦИК 3-го созы указывалось, что в 1926 году «предположе но организовать» 90 русских сельсоветов[52] По подсчётам американского историка Тер ри Мартина, в 1926 году существовало 12 русских сельсовета[53].

31 января 1927 года на заседании ко миссии по украинизации свою точку зре ния на проблему вновь высказал Скрыпник Он подчеркнул ошибочность воззрения н русский язык как язык «союзный» (с ег точки зрения, это была неправильная пози ция, являвшаяся «целиком продолжение старых дореволюционных отношений» В то же время он продолжал настаиват что «русская национальность на террито рии Украины является национальность меньшинства и русский язык на террито рии Украины является языком нацменов и, следовательно, нужны меры для соответ ствующего выделения нацрайонов[54].

В резолюции от 1 апреля 1927 год «Об итогах украинизации» Политбюро Ц КП(б)У констатировало «рост шовини стических настроений, как среди русских так и среди украинских элементов мелко буржуазии, пытающихся оказать влияни на рабочий класс и даже на отдельны членов партии». Основным орудием борьбе с шовинизмом Политбюро считал «дальнейшее решительное и твёрдое про ведение украинизации, с обеспечение интересов национальных меньшинств «К числу нацменьшинств на Украине от носится также и русское население, обе спечение культурных интересов которог должно проводиться наравне с прочим нацменьшинствами». Поскольку «русски язык является языком значительной част рабочих, а местами (и как раз в наиболе промышленных районах) большинств рабочих», за русским языком признава

Г. Клуцис. Выше знамя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина! 1936 г.

лось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений наряду с украинским также и на русском языке. «Однако, это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»[55], — подчёркивали украинские руководители. В 1927 году на Украине было уже 292 русских национальных сельсовета и 9 русских национальных районов, в 1928 году — 9 районов, 388 сельсоветов, 39 городских советов[56].

Фамилия Ларина стала для украинского политического руководства синонимом уклона к «великодержавничеству». На объединённом пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 26 февраля — 3 марта 1927 года Ларин был назван «выразителем русского шовинизма»[57], а в статье заместителя наркома внутренних дел УССР Николая Александровича Черлюнчакевича (1876–1938), опубликованной осенью 1926-го в журнале «Більшовик України», выступления Ларина на третьем съезде и второй сессии были названы «запоздалыми и наивными», произнесёнными «менторским тоном»[58].

Через год в том же журнале появилась статья заместителя заведующего агитпропотделом ЦК КП(б)У Андрея Ананьевича Хвыли (1898–1938) «Ларинская рутотяпская «практика» (отрывок из статьи «Против украинского и русского национализма»). По мнению Хвыли, «Ларин собрал пучок «пикантных» анекдотов, заметок, без надёжной проверки работы на местах, и выступает с обвинениями против партии. Спасайтесь! На Украине наших душат! Русская культура гибнет, напрасно гибнет! Никому слова не дают сказать на русском языке — всё на украинском. Иначе — увольнение с должности»[59]. Далее следовали обвинения в желании «дискредитировать украинизацию, под лозунгом защиты национальных меньшинств повернуть назад и увековечить на Украине гегемонию русской культуры», и как вывод: «Линия Ларина в национальном вопросе ведёт к великодержавному русскому колонизаторству»[60]. В вину Ларину Хвыля поставил даже и то, что, «по его мнению, рабочий класс на Украине — преимущественно русский»[61].

В самый разгар политики украинизации подобные трактовки не получили одобрения и на самом верху. На X съезде КП(б)У 20–27 ноября 1927 года тогдашний вождь украинских большевиков Лазарь Моисеевич Каганович окончательно «приговорил» Ларина как выразителя «русского националистического уклона»[62]. Но история определённо имела продолжение и много лет спустя после кончины Ларина в 1932-м…

Примечания

1. Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчёт. М. 1925. С. 275.
2. Там же.
3. Там же. С. 276.
4. Там же. С. 277.
5. Там же.
6. Там же. С. 278.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. С. 279–280.
10. Там же. С. 280.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 281.
14. Там же.
15. Там же. С. 282.
16. Там же. С. 292.
17. Там же.
18. Там же. С. 316.
19. Вторая сессия ЦИК СССР третьего созыва. Стенографический отчёт. М. 1926. С. 401.
20. Там же. С. 405.
21. Там же. С. 458.
22. Там же. С. 460.
23. Там же. С. 461.
24. Там же. С. 462–463.
25. Там же. С. 464–465.
26. Там же. С. 466.
27. Там же. С. 467.
28. Там же. С. 473.
29. Там же. С. 474.
30. Там же. С. 501.
31. Там же. С. 517.
32. Там же. С. 534.
33. Там же. С. 542.
34. Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)//Большевик. 1926. № 23–24. С. 50.
35. Там же. С. 51.
36. Там же. С. 51–53.
37. Там же. С. 54.
38. Там же. С. 55.
39. Там же. С. 56–57.
40. Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)//Большевик. 1927. № 1. С. 60.
41. Там же. С. 59–60.
42. Там же. С. 61.
43. Там же. С. 64.
44. Там же. С. 65–68.
45. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчёт. М. 1961. С. 716.
46. Там же. С. 717–718.
47. Слова Затонского цит. по: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М. 2011. С. 59.
48. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. М. 2005. С. 464.
49. Там же.
50. Там же. С. 465.
51. Там же.
52. Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков. 1926. С. 193.
53. Мартин Т. Указ. соч. С. 60. Данные существенно разнятся. Например, по данным комиссии по русскому вопросу, на 1 октября 1925 года существовали 69 русских советов, на 1 апреля 1926 г. — 122, на 1 октября 1926-го — 312//ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. С. 465; в статье Н. Черлюнчакевича речь шла о 167 русских национальных сельсоветах Черлюнчакевич Н. Національні меншості на Україні//Більшовик України. 1926. № 4–5. С. 109.
54. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2456. Л. 8.
55. Там же. Д. 2455. Л. 1.
56. Мартин Т. Указ. соч. С. 60.
57. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л 13.
58. Черлюнчакевич Н. Указ. соч. С. 107.
59. Хвиля А. Ларінська русотяпська «практика»//Більшовик України. 1927. № 11. С. 69.
60. Там же. С. 74–75.
61. Там же.
62. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 106. Л. 13.